

Сохоров А.Б.,

студент,

1 курс, факультет «Юридический»

Негосударственное образовательное частное учреждение высшего

образования «Московский университет «СИНЕРГИЯ»

Россия, г. Москва

**МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В
УСЛОВИЯХ НОВЕЛЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА:
ДИХОТОМИЯ ГУМАНИЗМА И ЭФФЕКТИВНОСТИ**

***Аннотация:** В статье проводится комплексный анализ современного состояния института мер уголовно-процессуального принуждения (МУПП) сквозь призму законодательных новелл 2025 года и актуальной судебной практики. Особое внимание уделяется трансформации подходов к избранию заключения под стражу, закрепленной в Федеральном законе № 13-ФЗ и Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.2025 № 1. Автором выявлен дуализм правоприменения: с одной стороны, формальная гуманизация и расширение альтернативных мер (запрет определенных действий), с другой — сохранение обвинительного уклона и «спящего» режима таких институтов, как залог. На основе анализа доктрины и правовых позиций судов обосновываются предложения по совершенствованию механизма исчисления сроков фактического задержания, администрированию ареста цифровых активов и внедрению стандарта «повышенного стандарта доказывания» при избрании стражи.*

***Ключевые слова:** уголовно-процессуальное принуждение, меры пресечения, заключение под стражу, запрет определенных действий, гуманизация, судебный контроль, Верховный Суд РФ, арест имущества, цифровые права.*

Abstract: *The article provides a comprehensive analysis of the current state of the institution of coercive measures in criminal proceedings through the prism of the 2025 legislative novelties and current judicial practice. Particular attention is paid to the transformation of approaches to the election of pre-trial detention, as enshrined in Federal Law No. 13-FZ and Resolution No. 1 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 27, 2025. The author identifies a dualism in law enforcement: on the one hand, formal humanization and the expansion of alternative measures (prohibition of certain actions), and on the other, the persistence of an accusatorial bias and a "dormant" mode of such institutions as bail. Based on the analysis of doctrine and legal positions of the courts, proposals are substantiated for improving the mechanism for calculating the terms of actual detention, administering the seizure of digital assets, and introducing a "heightened standard of proof" when electing custody.*

Keywords: *criminal procedure coercion, preventive measures, pre-trial detention, prohibition of certain actions, humanization, judicial control, Supreme Court of the Russian Federation, asset seizure, digital rights.*

Введение

Институт мер уголовно-процессуального принуждения представляет собой «лакмусовую бумагу», отражающую реальное состояние дел с защитой прав личности в уголовном судопроизводстве. Осуществляя публичное уголовное преследование, государство объективно нуждается в инструментах, ограничивающих права граждан, однако пределы такого ограничения являются предметом перманентного научного поиска [1, с. 24].

Период 2024–2026 гг. ознаменовался высокой нормотворческой активностью в данной сфере. Вступивший в силу 11 марта 2025 г. Федеральный закон № 13-ФЗ существенно изменил критерии избрания заключения под стражу, а майское Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 конкретизировало стандарты судебного контроля. Однако, как справедливо отмечают практики, «эффектно — не всегда эффективно». Цель

настоящего исследования — оценить реальную степень гуманизации исследуемого института, выявить сохраняющиеся дисбалансы и предложить пути их преодоления.

1. Эволюция законодательного подхода к избранию заключения под стражу: правовые иллюзии и судебные реалии

Долгое время «карательная парадигма» доминировала в российской правоприменительной практике: заключение под стражу избиралось автоматически при наличии тяжести обвинения. Законодатель 2025 года предпринял попытку разорвать эту связь.

В соответствии с обновленной редакцией ст. 108 УПК РФ, заключение под стражу по преступлениям средней тяжести допускается только в четырех исчерпывающих случаях: отсутствие места жительства, неустановление личности, нарушение ранее избранной меры пресечения, факт сокрытия от следствия. По преступлениям небольшой тяжести арест возможен лишь при нарушении меры пресечения или сокрытии.

На первый взгляд, это революционное изменение. Однако анализ правоприменительной практики первого квартала 2025 г. (на примере Переволоцкого районного суда) показывает, что суды по-прежнему охотно удовлетворяют ходатайства, ссылаясь на отсутствие регистрации как на отсутствие места жительства. Верховный Суд РФ в п. 4(2) Постановления № 1 вынужден был специально оговорить: отсутствие регистрации само по себе не является обстоятельством, дающим основание для ареста, и не подменяет отсутствие места жительства как фактической категории.

Тем не менее, в массовом сознании правоприменителей произошла подмена понятий. Мы полагаем, что декларированная гуманизация пока носит «статистический» характер, не меняя сути процесса. Ключевая проблема — сохранение низкого стандарта доказывания. Следователи, как и ранее, оперируют типовыми формулировками («может скраться», «может оказать давление»), не подтверждая их конкретными доказательствами. Суды же, формально выполняя требования закона, не внедряют в практику

повышенный стандарт доказывания (clear and convincing evidence), известный зарубежным правовым порядкам.

2. Запрет определенных действий: потенциал и пределы реализации

Введение ст. 105.1 УПК РФ (запрет определенных действий) позиционировалось как главная альтернатива аресту. Данная мера позволяет гибко ограничивать права (запрет общения, пользования Интернетом, управления транспортом), оставляя лицо в социуме. Правоприменительная практика демонстрирует рост востребованности этой меры, особенно по делам о преступлениях в сфере экономики и компьютерной информации.

Однако потенциал нормы используется далеко не полностью. Во-первых, наблюдается дефицит технических средств контроля у уголовно-исполнительных инспекций. Запрет общения с определенными лицами без электронного мониторинга (браслетов) фактически неконтролируем и превращается в декларацию. Во-вторых, суды нередко формально подходят к индивидуализации запретов, устанавливая шаблонный набор ограничений, не обусловленный конкретными обстоятельствами дела.

Представляется, что законодателю следует рассмотреть вопрос об имплементации в УПК РФ механизма «электронной блокировки» — дистанционного ограничения доступа к цифровым активам и сервисам, что особенно актуально в условиях цифровизации преступности.

3. Имущественное принуждение и защита прав третьих лиц

Арест имущества (ст. 115 УПК РФ) остается наиболее острым инструментом в части нарушения прав лиц, не являющихся подозреваемыми (обвиняемыми). Следственная практика идет по пути тотального ареста активов, формально ссылаясь на п. 3.1 ч. 1 ст. 115 УПК РФ (имущество, полученное в результате преступных действий).

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что арест имущества третьих лиц допустим лишь при наличии достаточных доказательств его преступного происхождения. Однако доказывание этого факта на стадии предварительного расследования крайне затруднительно.

Внесение в 2024–2025 гг. изменений в ст. 115.1 УПК РФ, ограничивающих сроки ареста имущества лиц, не являющихся подозреваемыми, — шаг верный, но половинчатый. Судебная практика по продлению таких сроков носит «автоматический» характер.

Отдельного внимания заслуживает проблема ареста цифровых валют и цифровых прав. Действующий УПК РФ не содержит механизма хранения и реализации криптовалюты как вещественного доказательства или предмета обеспечения иска. Следственные органы вынуждены применять аналогию закона, что создает риски оспаривания решений. Назрела необходимость разработки специальной главы (либо статьи) УПК РФ, регламентирующей порядок ареста, передачи на хранение (в том числе с использованием номинальных счетов операторов) и конвертации цифровых финансовых активов.

4. Проблема исчисления срока фактического задержания

Проблема «серой зоны» между моментом фактического ограничения свободы и моментом составления протокола задержания остается хронической для российского уголовного процесса. Несмотря на правовые позиции Конституционного Суда РФ, ориентирующие на исчисление 48-часового срока с момента фактического захвата, правоприменительная практика сохраняет фикцию исчисления срока с момента составления протокола.

Мы разделяем позицию С.Б. Россинского о необходимости внесения в ст. 5 и ст. 92 УПК РФ императивного указания на то, что срок задержания исчисляется с момента фактического лишения свободы передвижения, независимо от составления каких-либо документов [8, с. 192]. Любое иное толкование провоцирует полицейский произвол и нивелирует гарантии habeas corpus.

5. Институт возмещения вреда: самостоятельный правовой институт вне рамок реабилитации

В науке уголовного процесса все более отчетливо артикулируется позиция о необходимости концептуализации самостоятельного института возмещения вреда лицам, незаконно подвергнутым мерам принуждения, но формально не реабилитированным (ч. 3 ст. 133 УПК РФ). О.А. Мядзелец справедливо отмечает, что нормы о возмещении вреда иным (помимо реабилитированных) лицам обладают уникальной уголовно-процессуальной природой и не могут быть поглощены гражданским судопроизводством.

Практика показывает, что суды общей юрисдикции нередко отказывают в удовлетворении требований о компенсации морального вреда лицам, в отношении которых уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим основаниям, но которые длительное время содержались под стражей. Это противоречит ст. 53 Конституции РФ. Законодательное закрепление в УПК РФ презумпции права на компенсацию при отмене незаконного решения о применении меры принуждения (независимо от исхода дела) — необходимое условие реальной, а не декларативной ответственности государства.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт мер уголовно-процессуального принуждения в Российской Федерации находится в переходном состоянии. С одной стороны, вектор законодательных изменений 2025–2026 гг. направлен на гуманизацию и сужение оснований применения наиболее репрессивных мер. С другой стороны, эффективность нововведений блокируется устоявшейся правоприменительной ментальностью, дефицитом ресурсов для реализации альтернативных мер и отсутствием жестких судебных фильтров.

Предложения по совершенствованию законодательства:

Дополнить ст. 108 УПК РФ нормой, обязывающей суд в постановлении об избрании заключения под стражу приводить мотивированный анализ невозможности применения каждой из более мягких мер пресечения, а не просто констатировать их неприменимость.

Внести изменения в ст. 92 УПК РФ, установив, что момент фактического задержания определяется на основе протокола доставления либо иного оперативного документа, фиксирующего время ограничения свободы.

Разработать и принять Федеральный закон «Об особенностях оборота цифровых прав и цифровой валюты в уголовном судопроизводстве», регламентирующий порядок наложения ареста, хранения и реализации криптоактивов.

Распространить правила гл. 18 УПК РФ (реабилитация) в части возмещения имущественного вреда на лиц, в отношении которых мера пресечения отменена вышестоящим судом как незаконная, вне зависимости от оснований прекращения дела.

Дальнейшая гуманизация уголовно-процессуального принуждения лежит не столько в плоскости запретов, сколько в плоскости создания реально работающих, ресурсно-обеспеченных альтернатив, а также внедрения стандартов убедительности доказывания, исключающих объективное вменение при избрании мер пресечения.

Список литературы:

1. Усманова, А. А. Актуальные проблемы системы и применения мер уголовно-процессуального принуждения в Российской Федерации / А. А. Усманова // Молодой ученый. — 2026. — № 1 (604). — С. 138–141.
2. Федеральный закон от 11.03.2025 № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 11. — Ст. 1456.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.2025 № 1 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2025. — № 7.

4. Мядзелец, О. А. Концептуализация института возмещения вреда лицам, незаконно подвергавшимся мерам уголовно-процессуального принуждения в ходе уголовного судопроизводства / О. А. Мядзелец // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 4. — С. 412–420.
5. Азаров, В. А. Феномен уголовно-процессуального принуждения: полемические заметки / В. А. Азаров // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2024. — № 1. — С. 15–26.
6. Россинский, С. Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход : монография / С. Б. Россинский. — Москва : Проспект, 2019. — 192 с.
7. Справка Переволоцкого районного суда Оренбургской области по результатам анализа статистических данных и практики рассмотрения ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу за 1 квартал 2025 года. — URL: <https://perevolotsky.orb.sudrf.ru> (дата обращения: 12.02.2026).